

□□Сунь Цзиньчэн, притаившись за деревом, издали наблюдал за автомобилем. После томительного ожидания, наконец, распахнулась дверца.

— Вот и брат Цзянь цел и невредим, — прошептал он с облегчением. — Это ли не победа!

Вскоре до слуха Сунь Цзиньчэна донёлся голос Цзянь Линхуая, беспечно вопрошавшего:

— Когда ты намерен подписать бумаги о разводе?

Сунь Цзиньчэн опешил: «Соглашение о разводе? Неужели брат Цзянь потерял рассудок?»

Из салона донёлся приглушённый голос Хэ Чжичжоу:

— Ты действительно настаиваешь на разводе?

Цзянь Линхуай утвердительно кивнул.

Сунь Цзиньчэн искренне недоумевал, что задумал Цзянь Гэ, но это было далеко не первое его странное поведение.

«Будь что будет, сошёл ты с ума или нет, — подумал Сунь Цзиньчэн, — я поддержу любое твоё решение!»

— Если после дня рождения бабушки ты всё ещё будешь намерен развестись, можешь связаться со мной в любое время, — произнёс Хэ Чжичжоу.

— Хорошо, — с облегчением выдохнул Цзянь Линхуай, не ожидая такой лёгкой договорённости. Он с благодарностью взглянул на Хэ Чжичжоу и добавил: — Ты неплохой парень, малыш.

Хэ Чжичжоу замер, на его обычно невозмутимом лице промелькнула тень замешательства. Он резко захлопнул дверцу автомобиля.

— погоди! — Цзянь Линхуай обернулся и заметил Сунь Цзиньчэна, выглядывающего из-за дерева. Он внезапно бросился к нему, а затем, через мгновение, вернулся и забросил что-то лёгкое в машину.

Цзянь Линхуай надеялся, что ему понравится подарок, и махнул рукой на прощание:

— считай это скромной благодарностью. До встречи.

Автомобиль тронулся.

Хэ Чжичжоу поднял с сиденья оставленный предмет. Это оказался вышитый крестиком брелок с изображением Супермена.

— ...

Когда машина выруливала на дорогу, Хэ Чжичжоу оглянулся и увидел как Цзянь Линхуай, возвращаясь на съёмочную площадку, что-то оживлённо говорил своему помощнику. Он не мог разобрать слов, но заметил, что тот внезапно схватил его за руку, словно готов был расплакаться.

Хэ Чжичжоу отвернулся.

Сидевшая на переднем пассажирском сиденье Чжан Сюфэнь обернулся и заметил висящий на зеркале заднего вида брелок с Суперменом.

— Что это такое? Господин Хэ, будьте осторожны! Вдруг он отравлен?

— Что? Какой-нибудь «гу»? — удивился Хэ Чжичжоу.

— А чем ещё он мог его отравить? Это наверняка любовный яд, чтобы приворожить вас, господин Хэ! Вам лучше быть начеку, — с уверенностью заявил Чжан Сюфэнь.

Тем временем Сунь Цзиньчэн грустно вздыхал:

— Брат Цзянь, ну как ты мог так поступить с моим творением? Я вложил в него душу, каждый стежок, каждую ниточку...

Но тут перед его глазами блеснули пятьсот серебряных юаней, прогнав печаль.

— Каждый стежок и каждая ниточка стоят десять юаней! Спасибо, босс. Всегда рад, — с сияющей улыбкой произнёс Сунь Цзиньчэн, принимая деньги из рук Цзянь Линхуая. Он нежно подул на купюры и прислушался к их шелесту. — Как же приятно они пахнут!

— ...

Вернувшись на съёмочную площадку, Цзянь Линхуай привлёк к себе всеобщее внимание.

Директор отвел его в сторону, его лицо выражало крайнюю степень замешательства:

— Президент Хэ приехал сюда специально ради тебя?

— Да? А разве он не приезжал обсудить инвестиции? — отмахнулся Цзянь Линхуай.

— А ты видел, чтобы он хоть словом перемолвился со мной? — осведомился директор.

— Видел. Вы сказали ему, что президент Хэ очень много работает, а он ответил: «Мм», — невозмутимо заявил Цзянь Линхуай.

Директор потерял дар речи.

— Как прошла ваша беседа? Президент Хэ, кажется, был в хорошем настроении, — продолжил допрос директор.

— Что значит «в хорошем»? Посмотри, как он меня схватил! Вся рука красная, — Цзянь Линхуай продемонстрировал своё запястье. — Он был очень груб.

Директор холодно заметил:

— Это же момент из сцены, которую вы снимали!

Цзянь Линхуай неловко улыбнулся и легонько прикоснулся к отметине на запястье; на коже все еще ощущался неприятный холод.

— Мы почти не разговаривали. Я не выпрашивал у него инвестиции и не жаловался на еду.

Директор чуть не задохнулся от возмущения. Ему хотелось одновременно и отругать Цзянь

Линхуая, и угодить Хэ Чжичжоу. Однако здравый смысл подсказывал, что угождать бесполезно. В любом случае, президент Хэ не воспринимал этого парня всерьёз. Вздох.

— Вы так долго общались, неужели только для этого?

Цзянь Линхуай ехидно улыбнулся и взглянул на свое запястье:

— Мы немного поболтали по душам.

— Хорошо, главное, чтобы ты не ссорился с президентом Хэ, тогда нашей съёмочной группе ничего не угрожает, — директор облегчённо похлопал себя по груди.

— Да, мы всего лишь говорили о разводе. Съёмочной группы это никак не коснётся, — Цзянь Линхуай похлопал директора по плечу и с деланным интересом пошёл наблюдать за съёмками.

Директор потерял дар речи.

Директор был в смятении.

Услышав новость о том, что Цзянь Линхуай и Хэ Чжичжоу намерены расторгнуть брак, он немедленно созвал экстренное совещание с продюсером и ключевыми членами съёмочной группы.

Основной темой обсуждения стал вопрос о том, как уладить ситуацию с Цзянь Линхуаем. Генеральный директор Чжан Чжиминь чётко сформулировал позицию: учитывая экономическое положение семьи Хэ, необходимо поддерживать и развивать отношения сотрудничества с господином Хэ и проявлять всяческую инициативу.

Продюсер полностью поддержал эту точку зрения и предложил два пункта: во-первых, тщательно проанализировать текущую ситуацию во взаимоотношениях между Цзянь Линхуаем и семьёй Хэ; во-вторых, оценить обстановку между Цзянь Линхуаем и съёмочной группой. Основываясь на этом, продюсер выдвинул политику «трёх не»: «Не вмешиваться в личные дела, не потворствовать своеволию Цзянь Линхуая и не допускать утечки информации».

Переводя сухим языком протокола, это означало следующее: если сериал провалится, то виноват будет Цзянь Линхуай, который разводится и не подчиняется указаниям руководства. А если сериал станет успешным, то это заслуга инвестиций компании Хэ, проявившей дальновидность.

Заместитель руководителя съёмочной группы сообщил, что Цзянь Линхуай только что прошёл мимо конференц-зала.

Директор в ужасе воскликнул: «!!»

Продюсер присоединился: «!!»

Остальные были единодушны: «!!!»

— Директор, что вы тут делаете? Мне послышалось моё имя? — улыбаясь, Цзянь Линхуай возник в дверях.

— Я выиграл, ха-ха-ха! — директор выхватил из стопки карт восьмёрку бамбуковых монет,

поднял глаза и выдавил улыбку: — Разве мы говорили о тебе? Нет, нет.

— Вот именно, — подтвердил продюсер, сдвигая костяшки домино к центру стола, в то время как машина для маджонга приступала к перетасовке. — Мы обсуждали покупку доски для спиритических сеансов.

— Доски для спиритических сеансов? — переспросил Цзянь Линхуай.

Продюсер подмигнул, а директор сохранил бесстрастное выражение лица.

— Ах да, точно, точно. Неподалёку от древнего города один из сотрудников случайно наткнулся на такую доску.

— О, вот оно что! — Цзянь Линхуай внезапно вытащил из-за спины старую деревянную табличку.

Присутствующие в ужасе закричали: «Аааааах!»

Цзянь Линхуай, почесав в недоумении за ухом, удивлённо поинтересовался:

— Директор, почему вы так напугались? Разве это не тот реквизит, который понадобится мне для следующих съёмок?

Директор попытался собраться с духом:

— А, вот оно что! Все в порядке, ха-ха... Я не сделал ничего плохого, поэтому мне незачем бояться! Я просто переволновался из-за выигрыша.

Цзянь Линхуай пожал плечами:

— Ну, ладно.

Мемориальная табличка, которую держал в руках Цзянь Линхуай, была посвящена матери персонажа, которого он играл в сериале.

Съёмки его эпизодов подходили к концу.

Сегодня снимали сцену, где он, вернувшись домой, обращается к табличке с прахом матери, рассказывая о том, что влюбился в девушку, которая, как выяснилось, собирается отомстить его отцу, и он не знает, как ему поступить.

Как только прозвучала команда «Мотор!», Цзянь Линхуай встал перед мемориальной табличкой, и глубоко вздохнув, произнес: «Мама...»

«Вот оно что... Ещё один день моей жизни, посвящённый принятию его некомпетентной актёрской игры...» — подумал режиссёр с грустью.

— Что же мне делать? — с пафосом спросил Цзянь Линхуай.

Режиссёр молча скривился.

«Ты, что занимаешься декламацией, где актерская игра?» — пронеслось в голове у режиссёра.

— Я действительно её люблю, — Цзянь Линхуай картинно вздохнул.

Режиссер: Ха-ха, на самом деле вообще ничего не скажешь.

— Стоп, директор, мне нужны глазные капли! — Цзянь Линхуай прервал съёмку, так как ему было сложно заплакать по требованию.

Режиссёр с досадой пнул бутылку с водой, стоящую на полу, глубоко сожалея о том, что выбрал этого бездаря на эту роль, хоть и эпизодическую.

«Ну ничего, - подумал он, - это всего лишь второстепенная роль, так что мне не придётся слишком сильно напрягаться».

И тут режиссёра осенило: «Погодите-ка... Похоже, те, кто у власти, тоже прибегают к глазным каплям...»

«Ну да, - успокоил он себя, - он же красавец, зрители ему всё простят».

Закапав капли в глаза, Цзянь Линхуай с воодушевлением объявил:

- Продолжаем съёмку! Думаю, у меня снова получится.... мама!

Режиссёр закрыл глаза, пытаясь сдержать поток слёз отчаяния, только сделав их ещё более горькими.

<http://bllate.org/book/14802/1319453>